

Духовный и материальный конфликты

В зависимости от цели, которую ставят перед собой конфликтующие стороны, разграничим духовный и материальный конфликты. Духовные конфликты предполагают борьбу двух правд и насильственное навязывание собственного идеала. Материальные базируются на инстинкте самосохранения и имеют целью поиск блага, удовлетворение практических интересов.

По Чаадаеву, духовному наставнику юного Пушкина, «единственная действительная основа деятельности, исходящей от нас самих, связана с представлением о нашей выгоде в пределах того отрезка времени, который мы зовем жизнью; это не что иное, как инстинкт самосохранения /.../. Что бы мы ни делали, какую бы незаинтересованность ни стремились вложить в свои чувства и свои поступки, руководит нами всегда один только этот интерес, более или менее правильно понятый, более или менее близкий и отдаленный» (Чаадаев:349). Чаадаев считает, что человек в своей деятельности руководствуется именно инстинктом самосохранения, то есть эгоистическим представлением о собственном благе. Духовная же жизнь личности, предполагает Чаадаев, «определяется чем-то таким, что нам отнюдь не принадлежит» и «самое хорошее, самое возвышенное, самое для нас полезное из происходящего в нас вовсе не нами производится. Все то благо, которое мы совершаем, есть прямое следствие присущей нам способности подчиниться неведомой силе» (Чаадаев:349).

Весьма авторитетный для Пушкина его современник различает божественное («неведомая сила») и собственно человеческое в природе человека. Первым определяется духовная жизнь, вторым – бытовые, материальные устремления.

В основе материального типа конфликта должен лежать какой-то объект, за обладание которым идет борьба (должность, первенство в какой-то сфере, деньги, слава; даже любимый человек может стать объектом

материального интереса). Конфликты, вызванные противоположностью интересов в достижении одной и той же цели бытового плана, вполне укладываются в схему Чаадаева с его доминантой на «инстинкт самосохранения», как определяющий в деятельности человека. В основе материального конфликта потребность отнять. Это конфликт за обладание желанным объектом. Посягательство на личность конкурента – только следствие, а не цель, сопутствующее обстоятельство, а не самоценное желание. В основе материального типа конфликта – поиск блага, которое может быть и неправдой (Ср. типы авантюристов-самозванцев у Пушкина, сознательно идущих на обман и отдающих себе отчет в характере своих действий). Духовные конфликты вызваны противоположностью мировоззренческих установок. Духовная природа таких конфликтов – непризнание инаковости другого и чуждое навязывание собственного идеала. В основе духовного типа конфликта – потребность дать, навязать свой образ жизни, свои ценности как единственно истинные, правильные и возможные. Это конфликт за обладание субъектом, личностью. Здесь главное – поиск и утверждение собственной правды. Присущая духовным конфликтам мечтательная агрессивность может оказаться не менее разрушительной, чем физическое насилие, свойственное чаще материальным конфликтам.

Человек, даже способный понять мир и другого человека как единое целое, стремящийся к созданию такого единства, на самом деле держит в уме не один, а два центра: я и не я, то, что относится к воспринимаемому субъекту, и что к нему не относится, от чего он отталкивается. Выделение, вычленение чего-то предполагает отмежевание, отграничение. Некое единство имеет границы, которыми оно отделяется от всего, что не может принять, вобрать в себя. Значительность мира определяется узостью или шириной границ. Но бесконечно расширение приводит к размыванию контуров, а тем самым к стиранию различий между этим миром и другими мирами, в конечном счете – к уничтожению этого мира. Он перестает

восприниматься как нечто выделенное, выступающее из внешнего окружения. Явное или скрытое, осознанное или несознаваемое отталкивание от всего, что «не я» (конфликт) есть, таким образом, неременное условие существования единого целого. Качественное своеобразие целого определяется характером конфликта: моментами осознанности— неосознанности, выраженности – латентности, категоричности – относительности. Готовность к компромиссу в конфликте – способность принять многое от «не я», - опасно для целостности субъекта, готового слиться с окружающим миром, согласного не выделяться, утратить четкость своих пределов. Но это и свидетельство его величия и силы. Слабость больше боится утратить себя и острее реагирует на попытки экспансии. Большой конфликтностью отличаются поэтому явления меньшего масштаба. Нетерпимость к «не я» -- часто показатель узости кругозора. Безграничная терпимость может быть показателем отсутствия абсолютных ценностей и потребности их оберегать. Конфликт рождается в сфере активных притяжений и отталкиваний личности, ее идеала и антиидеала.